

РУКА ДАЮЩЕГО НЕ ОСКУДЕЕТ

О ДОБРОДЕТЕЛИ МИЛОСЕРДИЯ

Сборник

Рука дающего не оскудеет. О добродетели милосердия

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=32532942

Рука дающего не оскудеет. О добродетели милосердия: Московское

Подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры; Москва; 2001

ISBN 978-5-7789-0044-9

Аннотация

Одним из самых светлых и отрадных явлений в жизни наших подвижников благочестия была горячая любовь их к страждущему или неимущему человеку. Удалившись от мира, они не забывали, что этот мир полон не только нравственной скверны, но и скорбей и бед, под бременем которых страдают их братья...

Содержание

Благотворящий бедному дает займы Господу	5
Рука дающего не оскудеет	7
Святой Иоанн милостивый	9
Добродетельная женщина	14
Рассказ из русской жизни	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Рука дающего не оскудеет. О добродетели милосердия

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО ПОДВОРЬЯ
СВЯТО-ТРОИЦКОЙ СЕРГИЕВОЙ ЛАВРЫ

*По благословению Святейшего Патриарха Московского и
всех Руси Алексия II*

Благотворящий бедному дает займы Господу Притч. 19, 17

Одна благочестивая христианская женщина была замужем за язычником. Оба они были бедны и, кроме пятидесяти сребреников, не имели ничего. Однажды муж сказал жене:

– Отдадим сребреники свои займы, иначе мы незаметно истратим их по одной монете и придем в совершенное убожество.

– Если хочешь отдать их займы, – отвечала ему благочестивая жена, – отдай Богу христианскому и будь уверен, что не только не пропадет твое, но Он возвратит тебе с лихвой.

– Где же Он, чтобы я мог отдать Ему? – спросил у нее муж.

Тогда жена, указав ему на нищих, сказала: – Отдай вот им: Бог возьмет у них, и когда нам будет нужно, вернет.

Муж с радостью раздал все сребреники. Через некоторое время, когда у них не стало хлеба, муж сказал жене:

– Вот мы оскудели совсем; не отдаст ли теперь Бог твой нашего долга?

С твердой верой жена сказала ему:

– Иди туда, где ты положил, и Господь отдаст тебе твой долг.

Он пошел на то место, где раздал сребреники, но увидел

только нищих, которые сами просили у других. Размышляя, с кого бы потребовать свой долг, он увидел под ногами своими один сребреник, и поднявши его, купил хлеба и рыбы и принес домой. Когда жена начала готовить рыбу, то нашла в середине ее драгоценный камень и отдала мужу, чтобы он продал, не зная, что это камень драгоценный.

Муж приносит его к купцу, тот спрашивает:

– Сколько же ты хочешь взять за него? – Ты знаешь ему цену, – отвечал он.

Купец сказал:

– Возьми пять сребреников.

Думая, что он шутит, продавец спросил:

– Ужели дашь столько?

Купец, со своей стороны, думая, что он насмехается над ним, сказал:

– Возьми десять.

Тот, полагая, что он шутит, не отвечал ничего. Тогда купец начал постепенно набавлять цену до тридцати, сорока и пятидесяти сребреников. Тогда продавец понял, что это драгоценный камень, и запросил триста сребреников. Купец тотчас же отдал ему деньги. Уверившись этим чудом в величии христианского Бога, язычник тотчас пожелал обратиться в христианство.

Рука дающего не оскудеет

По некоторой надобности прибыл я в Константинополь, – рассказывал один из отцов-пустынников. – Сижу в церкви, и вот входит некто из мирян, человек знатный и христоролюбивый. Увидав меня, он стал рядом со мной, и у нас завязался душеспасительный разговор. Во время беседы я сказал, что те, которые хорошо распоряжаются земными благами, сподобятся и небесных.

«Хорошо ты сказал, отче! – отвечал он. – Блажен тот, кто уповает на Бога. Вот тебе пример: я – сын одного из весьма знатных в мире. Отец мой был очень милостив и щедр и много уделял бедным. Однажды он позвал меня к себе и, показав мне все деньги, спросил:

– Скажи мне, чадо, что тебе более будет угодно: оставить ли тебе деньги или Самого Господа твоим попечителем?

Я, рассудив для себя более полезным то, чего, как видно было, желал и отец, отвечал ему:

– Я желаю лучше Христа. Эта жизнь проходит: сегодня тут, а завтра где?

И с тех пор как отец услышал это от меня, он без сожаления раздавал все, так что по смерти своей мне почти ничего не оставил. Став бедняком, я всю надежду возложил на Бога, Которому он поручил меня.

Был один богач, и притом весьма знатный. У него была

жена христоролюбивая и боящаяся Бога. У них была только одна дочь. Однажды жена обратилась к мужу с такой речью:

– У нас только одна дочь, и так много благ даровал нам Господь!.. Чего ей недостает? Если мы будем стараться выдать ее замуж за такого же богача, как и мы, но человека порочного, она будет несчастна весь свой век. Поищем-ка лучше для нее человека скромного и богобоязненного, чтобы он любил ее в Боге и согревал своей любовью.

– Правильно ты рассудила, – отвечал муж. – Ступай в церковь, помолись усердно и потом сядь там: кто первый войдет, тот и будет избранник, посланный Самим Богом.

Она так и сделала... И вот я первый вхожу. Она тотчас посылает за мной раба и начинает расспрашивать:

– Откуда ты?

– Я живу здесь же, в этом городе, и сын такого-то.

– Того, кто был так милостив к бедным? Женат ли ты?

– Нет.

Потом я передал ей свой разговор с отцом. И тогда она, воздав хвалу Богу, воскликнула:

– Вот твой добрый Попечитель, Которого ты избрал себе, послал тебе жену и богатство, чтобы ты пользовался тем и другим в страхе Божиим.

И я молю Бога, чтобы Он дал мне идти путем отца моего до конца моей жизни».

Из «Лука духовного»

Святой Иоанн милостивый

Иоанн, патриарх Александрийский, прозванный за любовь к бедным и готовность помогать им *Милостивым*, был родом киприянин и происходил от знатных родителей. Рано лишившись супруги и детей, он всецело посвятил себя на служение Богу и меньшей братии Христовой, для которой был неиссякаемым источником любви. Слава его добродетелей, распространившаяся повсюду и достигшая чертогов царских, была причиной того, что Ираклий возвел Иоанна на Александрийский патриарший престол, хотя Иоанн долго отказывался от такой чести. Отличительным свойством этого пастыря была любовь к бедным, поддерживаемая верой в Провидение, которой никогда не могли поколебать ни многочисленность бедных, которым он служил опорой, ни великие издержки, употребляемые на них, ни трудность источников для пособия нуждающимся в его помощи.

Вот некоторые случаи из жизни этого праведника, которые могут ближе ознакомить с прекрасными качествами его души.

Когда Иоанн взшел на патриарший престол, то первым делом его была забота о меньшей братии Христовой. Призвав экономов церковных, он повелел им пройти всю Александрию и предоставить список всех владык его и покровителей, находившихся в городе. Изумленные таким повелени-

ем архипастыря, экономы обращаются к нему с вопросом:

– Кто бы такие были владыки патриарха Александрии?

– Это люди, – отвечает им святитель, – которых вы называете нищими; они – мои владыки и покровители, ибо могут заслужить мне любовь у Бога и доставить мне небо.

Исполняя волю архипастыря, экономы представили ему список семи тысяч пятисот нищих, и Иоанн всем им назначил ежедневное содержание. Каждый день он выходил за ворота своего дома, для раздаяния милостыни бедным, а чтобы и другие нуждающиеся имели свободнейший к нему доступ, он в среду и пяток каждой недели с утра до полудня неотлучно находился при дверях храма и принимал искавших у него правосудия или другой какой-либо помощи.

– Если я, – часто говаривал он, – всегда имею свободный доступ к моему Господу и в молитвах моих прошу у Него что угодно, то как дерзну я быть недоступным для подобных мне людей – моих братьев?..

Когда проходил день и Иоанну не случалось оказать кому-либо помощи, он почитал тот день потерянным и в глубокой горести произносил со слезами:

– В этот день я ничего не принес моему Искупителю за грехи свои! Однажды спросили его:

– Давать ли милостыню людям, которых заметили стоящими в хороших одеждах между нищими?

Иоанн отвечивал:

– Если вы Христовы и готовы слушать смиренного Иоан-

на, то подавайте, ибо Христос заповедал: *Всякому просящему давать* (ср.: Лк. 6, 30), и мы не свое даем, но Христово.

Однажды святой Иоанн, по обыкновению, шел навестить больных; на дороге встречает его странник и просит милостыни; святитель повелел своему слуге дать ему шесть серебряных монет. Получив их, странник удаляется, переменяет одежду, и обошедши святого Иоанна другим путем, опять предстает пред ним и, называя себя пленником, снова просит подаяния. Святитель и в другой раз повелевает дать ему шесть серебряных монет; и когда слуга заметил при этом, что нищий уже раз получил от него подаяние, Иоанн, будто не слыша его слов, повторил приказание, и оно было исполнено.

Продолжая путь далее, он опять видит перед собой прежнего нищего, который, снова изменив одежду, в третий раз является к нему за милостыней. Слуга сказал на ухо архипастырю, что это тот самый нищий, который два раза уже взял по шести сребреников, но святой Иоанн возразил ему на это: «Не Господь ли это искушает меня?» – и повелел слуге дать нищему двенадцать монет.

Когда приближенные Иоанна советовали ему не быть слишком щедрым и поберечь имение для себя, чтобы самому не прийти в крайность, то он обыкновенно отвечал словами Псалмопевца: *не видех праведника оставлена, ниже Семене его просяща хлеба* (Пс. 36, 25), и по-прежнему продолжал благотворить.

В одно время обнищавший от кораблекрушения купец пришел к Иоанну просить помощи; патриарх, дав ему вспоможение, отпустил его с миром, но прошло немного времени, и все имение купца снова погибло в море. Он, полный уверенности в сострадании своего благодетеля, опять прибегает к нему. Святитель и в другой раз сделал ему значительное вспоможение, но при случае заметил, что достояние отнято у него Богом потому, что было соединено с сокровищем, несправедливо приобретенным.

Поправив таким образом свои дела, купец снова пустился по торговым делам в море. И вот все имущество его опять поглощается морем, и сам он едва спасается от гибели. Пораженный троекратным несчастьем, он повергается в глубокую скорбь, посыпает главу свою пеплом, скрывается от людей и уже не смеет являться к Иоанну. Святитель узнает о новом его бедствии и, как ангел-утешитель, спешит к нему на помощь, воодушевляет его надеждой на Бога и в третий раз осыпает благодеяниями, которые уже на все остальное время его жизни упрочивают его состояние.

Несмотря на такую щедродательность, любвеобильному сердцу Иоанна, при его глубоком смирении, казалось, что он ничего важного не делает. Когда некто, слишком много облагодетельствованный им, изъявлял ему в самых искренних выражениях свою признательность, то святитель сказал: – Друг мой, за что ты благодаришь меня? Я тебе еще ничего не сделал, я еще не пролил своей крови за тебя, а мне

и это заповедал Искупитель мой, Сам положивший за нас
Свою душу.

Воскресное чтение. 1839

Добродетельная женщина

В царствование Бориса Годунова жила в своем имении вдова-помещица, жена зажиточного дворянина, Ульяна Устиновна Осорына. Это была обыкновенная добрая женщина древней Руси, отличавшаяся от других разве только тем, что жалость к бедному и убогому – чувство, с которым русская женщина на свет родится, – в ней было тоньше и глубже, чем во многих других. Еще до замужества, живя у своей тетки после смерти родителей, она обшивала всех сирот и немощных вдов в ее деревне, и часто до рассвета не гасла свеча в ее светлице.

В замужестве свекровь поручила Ульяне ведение домашнего хозяйства, и невестка оказалась умной и распорядительной хозяйкой, но привычная мысль о бедных и убогих не покидала ее среди семейных хлопот. Она глубоко усвоила себе христианскую заповедь о тайной милостыне. Бывало, отправит мужа на царскую службу куда-нибудь – в Астрахань например, года на два или на три, – а сама, коротая одинокие вечера, шьет и прядет рукоделие, а вырученное от продажи тайком раздает нищим, которые приходили к ней по ночам.

Случился на Руси один из нередких неурожаев, и в Муромском краю наступил голод. Ульяна усилила свою тайную милостыню, но не считая себя вправе брать что-нибудь из домашних запасов без спроса у свекрови, однажды при-

бегла к маленькому лукавству. Она была очень умеренна в пище, не завтракала и не полдничала, только обедала, что очень тревожило свекровь, боявщуюся за здоровье молодой невестки. Нуждаясь в новых средствах, Утьяна вдруг стала просить себе завтраков и полдников, которые, разумеется, шли в раздачу голодающим.

Свекровь полушутливо заметила ей:

– Что это подеялось с тобой, дочь моя? Когда хлеба было вдоволь, тебя, бывало, не дозовешься ни к завтраку, ни к полднику, а теперь, когда всем стало есть нечего, у тебя охота к еде припала.

– Пока не было у меня детей, – ответила невестка, – мне еда и на ум не шла, а как пошли у меня ребята родиться, я отощала и никак не могу наесться: не только что днем, но и ночью так и тянет к еде; только мне стыдно, матушка, просить у тебя.

Свекровь осталась довольна объяснением и позволила ей брать себе пищи сколько захочется и днем и ночью.

В усадьбе Ульяны было много челяди¹. Она ее хорошо кормила и одевала, не баловала, не оставляла без дела, но задавала каждому работу по силам и не требовала от нее личных услуг, что могла, все делала для себя сама, не допускала даже разувать себя и подавать воды умыться. При этом она не позволяла себе пренебрежительно обращаться к крепостным, как тогда знать окликивала своих людей: Ванька,

---

¹ – Слуг.

Мишка, но всех называла по именам...

Ульяна была уже в преклонных летах. Похоронив мужа, вырастив сыновей и поставив их на царскую службу, помышляла она о вечном устроении собственной души, когда ее постигло тяжкое испытание. Нищелюбие не позволяло ей быть запасливой хозяйкой. Домовое продовольствие она рассчитывала только на год, раздавая остальное нуждающимся. Бедный был для нее какой-то бездонной сберегательной кружкой, куда она с ненасыщенностью прятала все свои сбережения. Порой у нее на дому не оставалось ни копейки от милостыни, и она занимала у сыновей деньги, на которые шила зимнюю одежду для нищих, а сама ходила всю зиму без шубы.

Начало страшного голодного трехлетия при царе Борисе застало ее в Нижегородской вотчине совсем неприготовленной.

С полей своих она ни зерна не собрала, запасов не было, скот почти весь пал от бескормицы. Оказавшись в таком положении, Ульяна не пала духом: распродала остаток скота, платье, посуду, все ценное, а на вырученные деньги покупала хлеб, который и раздавала голодающим, – ни одного просящего не отпускала с пустыми руками. В то время многие расчетливые господа просто прогоняли со двора своих холопов, чтобы не кормить их, но не давали им отпускных, чтобы после воротить их в неволю. Брошенные на произвол судьбы среди всеобщего смятения холопы принимались воровать и

грабить. Ульяна больше всего старалась не допустить до этого своих слуг и удерживала их при себе, сколько было у нее сил. Наконец она дошла до последней степени нищеты, так что не в чем стало выйти в церковь.

Израсходовав весь хлеб до последнего зернышка, она объявила своей крепостной дворне, что кормить ее больше не может: кто желает, пусть берет свои отпускные и идет с Богом на волю. Некоторые ушли от нее, и она проводила их с молитвой и благословением, но другие отказались, объявив, что скорее умрут со своей госпожой, чем покинут ее. Она разослала своих верных слуг по лесам и полям собирать древесную кору и лебеду и принялась из этого печь хлеб, которым кормилась с детьми и холопами и даже ухитрялась делиться с нищими.

Окрестные помещики с упреком говорили нищим:

– Зачем это вы заходите к ней? Чего взять с нее? Она и сама помирает с голоду.

– А вот что скажем, – говорили нищие, – много обошли мы сел, где нам подавали настоящий хлеб, да и он не елся нами с такой сладостью, как хлеб этой вдовы.

Тогда соседи-помещики начали посылать к Ульяне за ее диковинным хлебом; отведав его, они находили, что нищие были правы, и с удивлением говорили: «Мастера же ее холопы хлеба печь!». Два года терпела Ульяна такую нищету и не печалилась, не роптала, не изнемогала от нищеты, – напротив, была весела, как никогда прежде.

Ключевский В. О.

Добрые люди древней Руси

Рассказ из русской жизни

Б прохладном утреннем воздухе ранней весны звонко раздавался над селом Тихим редкий благовест небольшого колокола. Солнце уже выплыло на синеватый небосклон и начинало побеждать теплыми лучами свежесть утренника. На улице стояла великопостная тишина. От села к церкви плелись старушки; на паперти столпилась кучка ребяток.

С высокого узорчатого крыльца нового большого трактира спустился дюжий, исправно одетый мужчина лет сорока пяти; сановито пошел он по направлению к церкви, с важностью откланиваясь на почтительные приветствия встречавшихся крестьян.

– Далеко ли собрались, Аким Петрович? – спрашивали его более словоохотливые из них.

– Да вот поговеть надумал, для Бога потрудиться захотел, – отвечал он им. – Отец Алексей все ладит: «Поговей да поговей, стыдно, – говорит, – больше десяти годов не был на духу-то... не по-христиански это, нехорошо...». Даже при людях стыдить стал. Оно, признаться, правда его, что нехорошо-то... вот и надумал.

– Дай Бог, дай Бог... Конечно, поговеть-то лучше: наше дело грешное – что ступил, то и согрешил; неровен час и того... помереть недолго, – слышалось в ответ, а Аким Петров Маммонов вошел в церковь, пробрался сквозь редкие ряды

богомольцев к правому клиросу и стал около него.

Непривычно было ему молиться, и думы его дружно тянулись к торговле, к хозяйству: соображал он, как бы удобнее перевезти к празднику товарцу из города по наступившей уже распутице, как бы заставить некоторых мужиков отдать ему деньги и тому подобное.

Но среди своих обычных размышлений оглянулся он на собравшихся богомольцев и на многих лицах этих бедняков заметил то, чего уже давно не появлялось на его сытом, горделивом лице. Вот старушка, опустившись на колени пред образом Спасителя, шепчет: «Господи, Царь Небесный! Помилуй меня, грешницу... Мать, Пресвятая Богородица! Спаси меня, окаянную...» – а слезы между тем текут из ее старческих очей, с верой и любовью обращенных к образу. Рядом со старушкой горячо и громко вздыхала молодая женщина; тут же около нее бедно одетый с умным лицом крестьянин вслушивался в чтение псаломщика. С иконостаса и стен строго смотрели лики святых угодников...

Одиноким почувствовал себя Аким Петров среди всех этих простых людей, собравшихся в храм помолиться Творцу. Жутко стало у него на сердце среди благоговейной церковной тишины.

Вышел священник из алтаря и пред Царскими вратами звучным голосом произнес молитву: «Господи и Владыко живота моего...». Все клали земные поклоны... Но вот на клиросе стройно запели: «Во Царствии Твоем помяни нас,

Господи...».

Вдумался Аким Петров в смысл прекрасной молитвы и сладких евангельских слов, тронули они его огрубелое сердце, в нем заговорило что-то новое, небывалое... Напомнили они ему забытые им наставления давно уже умершей матери – жить по-Божии, жалеть людей, молиться о Царствии Небесном. Рядом с этими воспоминаниями в глубине его души шевельнулась совесть. «Не достоин ты, – заговорила она, – Царствия Божия, а удалила от него тебя твоя грешная, безобразная, скотская жизнь».

Пал на колени Аким Петров, и из его зачерствелой души вырвался первый, после многих лет бессовестной жизни, покаянный вздох, первый молитвенный вопль...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.